

дієслів пошкодження та руйнування предметів, споруд і т. ін. Також поза увагою залишилися маловживані дієслова та окремі семантичні компоненти. Вони будуть об'єктом нашого подальшого дослідження.

Література

1. Головки А. Твори: У 2 т. – К.: Наук. думка, 1986. – Т. 1-2;
2. Григоршук Л. И. Глаголы физического преобразующего воздействия в современном русском языке // Проблемы теории и истории русс. яз. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1980. – С.5-12.
3. Кильдибекова Т. А. Глаголы действия в современном русском языке. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1985. – 158 с.
4. Кузнецова Э. В. Части речи лексико-семантические группы слов// Вопр. языкознания. – 1975. – № 5.
5. Осьмачка Т. Поезія. Повісті. – К.: Наук. думка, 2001. – 420 с.
6. Осьмачка Т. Старший боярин. План до двору: Романи. – К.: Укр. письменник., 1998. – 293 с.
7. Подгайская И. М. Компонент «средство» в толковании семантики английских глаголов физического действия// Сборник научных докладов XII Международная конференция по функциональной лингвистике «Функционализм как основа лингвистических исследований Ялта 3–7 октября 2005г. Симферополь. – 2005. – С. 264-266.
8. Потапенко Т. А. Лексико- семантическая характеристика глаголов с общим значением разрушительного воздействия на объект// Филологические науки. – 1983. – № 2. – С. 50-56.
9. Потапенко Т. А. О семантических связях глаголов преобразующего воздействия на объект// Русс. яз. в шк. – 1978. – № 1. – С. 97
10. Султанова А. П. Глаголы деструкции в русском и английском языках // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы: Международная научная конференция, посвященная 200-летию Казанского университета (Казань, 4-6 октября 2004 г.): Труды и материалы: / Под общ. ред. Галиуллиной К. Р. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004.– С.89-90.
11. Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / Под ред. проф. Л. Г. Бабенко. – М.: АСТ-Пресс, 1999. – 704 с.
12. Шведова Н. Ю. Русский язык: Избранные работы/ Росс. акад. наук; От-е историко-филологических наук; Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 640 с.

Атаманова Е. Д.

ПРОЯВЛЕНИЯ РЕЧЕВОЙ АГРЕССИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗОВ В. ШУКШИНА)

История человеческого социума – история взаимодействия и воздействия людей друг на друга. Следовательно, язык, общение, являющиеся неотъемлемой частью человеческой жизни, не могут служить только лишь средством обмена информацией. Практическое воздействие слова на человека лежит в основе многих современных языковых исследований. Одним из видов такого воздействия является речевая агрессия, захватившая многие сферы жизнедеятельности современного общества. Ее рассматривают как социальное-психологическое явление, как актуальную проблему педагогики, этики, философии, этиологии, психолингвистики, современного речеведения. Конрад Лоренц в книге «Агрессия» в рамках этологической концепции изучает ее биологическую основу как одного из природных инстинктов, который в естественных условиях так же, как другие, служит сохранению жизни и вида. Но считает, что в социуме человеку необходим «тормозящий механизм», который тормозил бы проявления агрессии. В качестве такого механизма он предлагает смех и этикет как ритуальные символы умиротворения. Монография В. И. Жельвиса «Поле брани» посвящена проблемам сквернословия. Владимир Ильич стремится показать его истоки и причины, сравнить в этом плане стратегию и тактику различных культур, раскрывает проблему социальной лояльности к агрессии в России, им исследованы инвективные стратегии нескольких десятков языков мира. Известный исследователь Левитов Н. Д. в статье «Психическое состояние агрессии» описывает особенности проявления агрессии в повседневном быту, в школьной жизни, также обращает внимание на проблему лояльности и, подменяя понятия агрессии более «мягкими» терминами, рассматривает виды «смещенной агрессии» (по сходству, смежности, использованию «козла отпущения», числу участников). Другой возможный подход предлагает Покровская Я. А.: изучение взаимодействия вербальных и невербальных компонентов в речевом жанре оскорбления. С жанрами речевой агрессии она соотносит определенные агрессивные жесты (оскорбительные и т. п.). О регламентирующем начале, пронизывающем все уровни языка пишет Шмелева Т. В. в «Кодексе речевого поведения». Сравняются понятия коммуникативных прав и обязанностей личности: если есть обязанности, то есть ответственность за их неисполнение. В учебном пособии Щербининой Ю. В. «Русский язык: Речевая агрессия и пути ее преодоления» дается развернутое лингво-риторическое описание основных видов и форм проявления речевой агрессии в реальных условиях профессионально-педагогического общения. Дается подробное описание способов контроля над речевой ситуацией.

Новизна данной работы заключается в том, что в ней освещены проблемы, связанные с проявлением «речевой агрессии» именно в художественной литературе, в творчестве Василия Шукшина, что вносит свою лепту во всестороннее изучение данной проблемы. Целью нашей работы является характеристика языковых особенностей ее проявления в художественной литературе. Исходя из этого мы решаем следующие задачи: определяем характер речевой агрессии, находящий выражения в данном материале, классифицируем формы выражения агрессии, определяем роль невербальных средств выражения агрессии, способы нейтрализации разрушительного действия вербальной агрессии Василием Шукшиным.

Герои его рассказов часто становятся типичными жертвами речевой агрессии, а именно «...словесного выражения негативных эмоций, чувств или намерений в оскорбительной, грубой, неприемлемой в данной речевой ситуации форме»[6], как определяет это явление Ю. В. Щербинина. Агрессия как речевая ситуация может возникать как определенное намерение, целенаправленное желание нанести «коммуникативный урон» адресату, и как результат психологической разрядки, желания избавиться от отрицательных эмоций, как попытка реализовать свои личностные потребности в самоутверждении, и т. п. Такое речевое поведение характерно для современного человека в ежедневном общении. И тот же агрессивный тип речевого поведения характерен для многих художественных персонажей у писателей, для которых критерий жизнненности является одним из важнейших. Таким образом, рассматривая примеры конфронтационных ситуаций, диалогов в рассказах Василия

Шукшина в качестве полноценных актов речевой агрессии, мы выявим особенности ее проявления в художественном тексте и способы ее преодоления автором.

Коммуникативная цель у героев Шукшина одна: воздействовать на собеседника, но коммуникативные намерения у них различны: это жажда возмездия и желание оскорбить: «Нет, дай я натешусь! Дай мне душеньку отвести, скважина ты кривоногая! Дятел...»; отрицательная эмоциональная реакция, ответные обидные реплики: «Вы, наверно, сами с похмелья!»; осуждение, обвинение: «Колька, идол ты окаянный, грех-то какой взял на душу! И молчал, ходил, молчал, дьяволина! Идол, лупоглазый!»; гнев: «Пошел к черту! Он теперь дружок тебе!»; возмущение: «Да что за мать-перемать-то! Ты что чернил, что ли, выпил? Чего ты пилить-то принялся? Гляди-ка сел верхом и давай плешь грызть»; один из способов косвенного выражения речевой агрессии – диалогическая ирония: «Но у человека есть также – душа!.. Я ...чувствую – болит! – *Больше нигде не болит?*»; попытка выказать свое превосходство: «Во-от! Я и говорю: бараны. Рога на лбу выросли – и довольные: бодаться можно!»; презрение, безразличие: «Ну и нервничай, черт с тобой! Люди дождутся воскресенья-то да отдыхают культурно... В кино ходят. А этот – *нервничает, видите ли*. Пузырь» и т. п. Это интересно, ведь хотя безразличие и презрение как таковые логически непосредственно друг с другом не связаны и относятся к разным семантическим категориям, реализуясь в *речевой* ситуации, безразличие оказывается презрением для героя, поскольку объектом является его личность.

Несмотря на то, что, как мы заметили, вербальная агрессия служит отличным средством нападения, она может возникнуть в речи персонажа и в виде защитной реакции. Так, например, в рассказе «Верую!» есть примечательный с этой точки зрения диалог между священником и главным героем: «– Значит доля твоя такая – скулить на месте. / – За что же мне доля такая несчастная? / – Слаб. Слаб, как ... вареный петух... / – Попяра! А если я счас, например, тебе дам разок по лбу, то как?». Угроза, резкое высказывание возникает в речи у персонажа, как реакция на весьма низкую оценку своих личностных качеств и как острое желание задетого за живое героя заставить собеседника переменить точку зрения на свой счет. И если слова священника можно понимать двояко, например, как обычные проповеднические рассуждения, со свойственным самому человеку жалом ядовитой насмешки, то ответ Максима бесспорно агрессивен. Значит, язвительные реплики персонажей, как и в обычной речевой ситуации, стимулируют дальнейшее развитие дискуссии и проявление полноценной вербальной агрессии.

Как легко заметить, использование инвективы вовсе не является обязательным атрибутом речи персонажей Шукшина (хотя иной раз и не исключается), и вербальная агрессия, таким образом, реализуется чаще всего в иных речевых формах. И критерии оскорбительности зависят не только от собственно лексического содержания, но и от стилистических характеристик слова, которые тесно связаны с эмоциональными, т. е. не всякое бранное слово выражает у Шукшина свое обычное словарное значение и наоборот. Для героев характерно использование грубых слов и выражений, обидных для персонажа-собеседника, но весьма забавных по своей сути. Это устойчивые формулы выражения агрессии и оригинальные, которые строятся по уже существующим формулам, но, тем не менее, ярко выражают индивидуальность говорящего. Это: 1) использование слов и выражений, обозначающих социально вредную деятельность: «Тебе делать, что ли, нечего, *бюрократ?*»; 2) употребление названий животных как бранного выражения: «Дай мне душеньку отвести... *Дятел!*», «*Боров гладкий!*», «Как жили, так и живите – *кроты!*»; 3) использование слов с ярко выраженной негативной оценкой: «*Ой, трепло!*», «*Варвар!*», «*Ты, лоботряс*, только рассуждать умеешь. Ходишь по деревне, пустозво-нишь... *Пустозвон!*», «*Фон-барон! Пьянчуга!*»; 4) ироническое отождествление с библейскими персонажами: «Ничего не было, да? Глядит, как *Исусик!*»; 5) использование лексики, обозначающей грехопадение, аморальное поведение с христианской точки зрения: «*Вишь, морду воротит, черт!*», «*руки чесались, у дьявола!*», 6) негативная характеристика деятельности путем использования глаголов с осуждающим значением: «*съел ты эти денюжки от своих же детей!*», «она же *хамить начала!* Она же *обзывается!*»; 7) использование перефразированных устойчивых выражений, фразеологизмов с негативной окраской: «*отольются они тебе, эти денюжки!*»; 8) использование дискриминирующей лексики определяющей личные деловые качества человека, его умственные способности, недостатки строения тела: «*От-теньки-коротеньки!.. Кривенькие носики!*», «*скважина ты кривоногая!*»; 9) использование суффиксов субъективной негативной оценки: «*Выстираю, кривоносик!*», «*Глядит, как Исусик!*» и т. д.

Из теории речевых актов мы знаем, что в процессе общения определенный объем информации человек заключает не только в произносимых им словах, но и самим способом передачи, выбором тех или иных лексических единиц сообщает дополнительные сведения. Понятно, что художественный персонаж лишен такой возможности фактически. Но литература, конечно, позаботилась об этом. На помощь нашему воображению приходит авторское слово, благодаря которому герой может воспользоваться и невербальными средствами общения. Но, конечно, интересной с нашей точки зрения может быть не каждая авторская «ремарка», а только та, что используется для передачи основного агрессивного речевого смысла, который не может быть безусловно точно передан в вербальной части высказывания. Например: «– Спасибо на добром слове, – *ядовито прошептал* он», «она спросила *строго и зло*: – Ну как, ничего?». Щербинина также пишет, что «вульгарное и инвективное словоупотребление само по себе не [обязательно] выражает речевую агрессию... Происходит это, очевидно, по причине низкого уровня речевой культуры, бедности словарного запаса, отсутствия умения выражать свои мысли и чувства литературным языком» [6]. Это как нельзя лучше характеризует многие реплики персонажей в различных диалогических ситуациях, когда визуально в вырванных из контекста словах мы легко обнаружим вербальную агрессию там, где ее нет. «– И все-таки стерва ты, говорил [он] *беззлобно*».

У Шукшина речевая форма конфликтного высказывания имеет также этнокультурную специфику выражения, т. е. ключевыми особенностями подбора языковых средств при выражении негативных эмоций и чувств героями рассказов являются использование просторечной лексики, грубо-фамильярных слов, архаизмов, диалектизмов, фонетические преобразования слов, свойственных жителям русских сел. Такие особенности

лексики Шукшина создали ему славу народного писателя, глубоко понимающего проблемы простых людей, разделяющего их мысли и чувства, говорящего на их простом, понятном языке.

Речевую агрессию как таковую воспринимают как глубоко негативное деяние. Щербинина определяет ее как «продуманный, спланированный, подготовленный речевой акт, цель которого – нанесение коммуникативного вреда адресату, разрушение гармонии общения» [6]. Но знакомясь с творчеством Василия Шукшина, читая его рассказы, вы не испытываете ничего похожего на ощущения, которые, к примеру, возникают у вас, если вы стали свидетелем чьей-либо ссоры с бурным обоюдным выражением речевой агрессии. Каким образом разрушительное влияние вербальной агрессии, которая явно представлена в речи персонажей, снимается у Шукшина?

Мы являемся субъектом события познания: воспринимаем героев, конфликтные ситуации, способы их разрешения активно, эмоционально, сочувствуя герою-чудику, на которого, как правило, и обрушивается вербальная агрессия его собратьев по произведению. Но читатель и автор находятся в разных плоскостях с персонажами, которые вовлечены в межличностную коммуникацию. Таким образом, слово героя, а, следовательно, и речевая агрессия, которую оно несет, направлено только на собеседника, на персонажа, с которым он спорит или ссорится. Читатель углубляется в обстановку, чувствует себя сопричастным происходящему, но в то же время счастливо избегает вовлечения в само общение, выражающее агрессию. Он находится на ином круге восприятия, более отдаленном, а потому позволяющем объективно оценить и героев и «происшествие». Он смотрит со стороны на трагикомичную ситуацию (которая персонажам вовсе не кажется такой) и действие речевой агрессии, взятой как таковой, умалывается, ослабляется. Вызывающие смех комментарии или действия просто снимают действие речевой агрессии, и вызывает добродушно жалостливое отношение к герою-чудику.

В дальнейшем мы хотели бы обратить внимание на характер проявления вербальной агрессии в современной нам литературе, на то, каким кардинальным образом изменилось ее положение: от достаточно мягкого комического средства выразительности до по-настоящему оскорбительного речевого акта.

Список литературы

1. Жельвис В. И. Поле Брани: Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. – М.: Ладомир, 2001. – 349с.
2. Левитов Н. Д. Психическое состояние агрессии // Вопросы психологии. – 1972. – № 6. – С. 169-172.
3. Покровская Я. А. Взаимодействие вербальных и невербальных компонентов в речевом жанре оскорбления // Языковая личность: жанровая речевая деятельность. Тезисы докладов научной конференции. Волгоград. Перемена, 1998. – С. 71.
4. Шмелева Т. В. Кодекс речевого поведения // Русский язык за рубежом. – 1983. – № 1. – С. 43-49.
5. Шукшин В. М. Позови меня в даль светлую...: Рассказы. Повести. Записные книжки. – М.: Эксмо, 2003. – 672 с.
6. Щербинина Ю. В. Русский язык: Речевая агрессия и пути ее преодоления – М.: Флинта: Наука, 2004. – 224 с.

Бакалінський М. Л.

ГЕНДЕРНО-ОЦІННИЙ КОМПОНЕНТ ФРАЗЕОЛОГІЗМІВ СОЦІО-ЕТНОЛЕКТУ *THE MOBSPEAK*

Питання гендерно-оцінного аспекту отримали широке висвітлення у сучасній лінгвістичній науці, оскільки є проявом особливостей культур та навіть цивілізацій. Останнім часом з'явилося декілька магістральних праць, присвячених саме питанням гендерології та оцінного компоненту [1], [2]. Все більша й більша фемінізація сучасного суспільства, а також питання, пов'язані з концептом «гендер», який останнім часом набув статусу макроконцепту [3, 98], найяскравіше проявляє себе у США.

США є країною емігрантів, що складається з великої кількості общин, які об'єднуються за національно-культурними факторами. Крім цього, США є прикладом мікрокосмосу, у якому присутні як фемінізовані шари населення (американці англо-саксонського походження), так і патріархальні (представники іспаномовної та італомовної культури). Серед зазначених груп нас цікавить саме група патріархальних культур та безпосередньо італомовна, до якої і належить італо-американська мафія.

Гендерно-оцінні особливості італо-американської мафії вербалізуються у низці фразеологізмів (далі ФО) соціо-етнолекту *the Mobspeak*, що є своєрідною мовою італо-американської мафії. Зазначені ФО за гендерно-оцінним компонентом можна умовно розподілити на дві основні групи:

- фраземи, що позначають ставлення до жінок: *to shoot pool wish smb, to do the job on smb, bitch from hell*,
- фраземи, що позначають ставлення до чоловіків: *man with a belly, Moustache Pete, ladies' man*

Для італо-американської мафії дуже актуальним є гендерний аспект, в частості відношення до жінок. Пов'язано це з тим, що у фразеології знаходить відображення своєрідність побуту та життя народу; фразеологія конденсує весь складний комплекс культури та психології даного народу (у нашому випадку соціально-етнічної групи) неповторний спосіб його абстрактного мислення [4, 108]. Італо-американська мафія є частиною італійської діаспори у США, а італійці – представники маскулінної культури, в якій відношення до жінок значно відрізняється від відношення до жінок у фемінізованих культурах. Серед ФО, що позначають ставлення до жінок, можна виділити наступні:

- фраземи, що називають близький фізіологічний зв'язок: *to shoot pool wish smb, to do the job on smb*;
- фраземи, що позначають відношення до жінок безпосередньо: *bitch from hell*.

ФО *to shoot pool wish smb* [5, 79] та *to do the job on smb* [6, 49] мають дуже пейоративне значення – це ФО-вульгаризми *the Mobspeak*; еуфімістично їх значення можна описати як «вступати у інтимний зв'язок» (тут і надалі переклад наш, М.Б.). Зазначені фраземи демонструють домінуючу позицію чоловіка, його верховенство у будь-якому аспекті буття.

Перейдемо до фраземи *bitch from hell*. Вона з'явилася досить недавно; це свого роду реакція на феміністичний рух, оскільки вказана ФО називає завзятих та владних жінок [7, 35], що, на думку представників італо-американської мафії, суперечить жіночій природі: «Поводитися необачно можуть діти та жінки, чоловіки ж – ні в якому разі» [6, 294].